

УДК 81`25

Латышев Л.К.*(г. Москва)*ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ:
АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В течение последнего полувека лингвистическое переводоведение развивалось главным образом в рамках общей теории перевода. Это представляется логичным, поскольку прежде чем искать ответы на частные вопросы, необходимо решить проблемы общего характера, в нашем случае относящиеся к общей теории перевода.

Однако после выхода последних трудов Я.И. Рецкера, В.Н. Комиссарова, А.Д. Швейцера, Л.С. Бархударова и других основополагающих работ по общей теории перевода складывается впечатление, что научные методы, применявшиеся в общей теории перевода (сопоставительный анализ оригиналов и переводов в сочетании с логическим моделированием) в значительной мере исчерпали себя. Требуется новые (с использованием техники) подходы, позволяющие наблюдать и фиксировать узловые моменты перевода, дающие возможность обобщать данные наблюдений за работой репрезентативных групп переводчиков, и на этом основании делать выводы, продвигающие дальнейшее изучение перевода.

Конечно, это не означает, что в исследовании перевода должна наступить пауза (до выработки новых подходов в сфере общей теории перевода), так как существуют и другие ветви переводоведения, характеризующиеся в данной статье и имеющие значительный потенциал развития. Этим аспектам лингвистического переводоведения и их соотношению с общей теорией перевода посвящена данная статья.

Ключевые слова: общая теория перевода, исчерпанность традиционных методов общей теории перевода, критерий методической эффективности как показатель адекватности теории перевода, частные теории перевода, количественная норма языка перевода, лингвокультурология как часть теории перевода, специальное переводоведение, литературно-художественное переводоведение, письменный и устный перевод, роль словарей и справочников в письменном переводе, особая методологическая роль письменного перевода в обучении переводчиков, специфика зрительно-устного перевода, об обучении синхронному переводу.

L. Latyshev

(Moscow)

TRANSLATION STUDIES: ASPECTS AND PROSPECTS

Abstract. During the last half-century linguistic theory of translation developed mainly in the general theory of translation. This seems logical since before considering some particular issues it is necessary to study the general problems - in this case, relating to the general theory of translation.

However, after the publication of the last works of Y. Retsker, V. Komissarov, A. Schweitzer, L. Barkhudarov and some other fundamental works on the general theory of translation there an impression that the scientific methods used in the general theory of translation (the comparative analysis of the originals and their translations, combined with logic modeling) have become substantially exhausted. There is a necessity to create new approaches (with the use of technology) to observe and register the key issues of translation. Besides, these new methods will make possible the summarizing of data received while the work of representative groups of translators is being monitored. On this basis of those observations it will be possible to draw conclusions and support the further study of the translation process.

Of course, this does not mean that in the study of translation there should be made an interval (till new approaches to the general theory of translation will be developed), as there are some other branches of translation techniques having significant potential for development (they will be mentioned in this article). The article is devoted to these aspects of linguistic translation theory and their relation to the general theory of translation.

Key words: general theory of translation, the exhaustion of traditional methods of the general theory of translation, criteria of methodical efficiency as a measure of the adequacy of the translation theory, particular theories of translation, quantitative standards of the target language, linguistics as part of the theory of translation, specialized translation, literary and fiction translation, translation and interpretation, the role of dictionaries and reference books in translation, special methodological role of translation in translators' training, specificity of visual-interpretation, about teaching simultaneous interpretation.

Перевод представляет собой процесс создания на языке В текста, функционально равноценного тексту на языке А. У этого процесса есть общие закономерности, которые не зависят ни от пары контактирующих языков (А и В), ни от типа переводимого текста, ни от способа реализации перевода (письменно, устно, последовательно, синхронно и т. д.). Эти закономерности переводческого дела изучает общая теория перевода. К ним относится вопрос о социальной природе (общественном назначении) перевода; об условиях отождествления (установления

равноценности) текстов А и В; об арсенале переводческих приёмов и практике их применения; о видах содержания исходного текста и особенностях их передачи в переводе; о соблюдении языковой и речевой нормы в тексте перевода; о противоречиях между различными требованиями к переводу, возникающих в его процессе, и методах их преодоления (нахождение оптимального варианта перевода); о классификации и градации переводческих ошибок в связи с оценкой качества перевода; о факторах, провоцирующих переводческие ошибки; о проблемах переводимости (соотношения возможности и невозможности нахождения адекватного варианта перевода и др. [1].

Основным методом исследований в рамках общей теории перевода является сопоставительное изучение оригиналов и переводов в сочетании с логическим моделированием и использованием данных смежных научных дисциплин (контрастивной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, лингвистики текста, лингвокультурологии) [7, с. 6-41].

Некоторые важные положения теории перевода основываются на самонаблюдениях переводоведов, известных как высококлассные практики перевода. Одним из таких положений является мнение, согласно которому к окончательному тексту перевода автор подходит путём перебора и совершенствования «пробных» вариантов. В устном переводе в силу его специфики это происходит за порогом сознания в форме неразвёрнутых, «прикидочных» переводческих решений. Данная гипотеза имеет существенное значение для методики обучения переводу.

К сожалению, для изучения скрытых от непосредственного наблюдения процессов, протекающих в мозгу переводчика, не используются их внешние и доступные проявления, такие, как остановки для обдумывания, возвраты, поправки, интерпретация которых могла бы подкрепить фактическим материалом или, наоборот, опровергнуть предположения, полученные путём логического моделирования или с помощью саморефлексии. Поскольку традиционные для общей теории методы практически исчерпаны, перспективы её развития зависят от разработки и использования новых методов исследования с применением технического инструментария.

В отсутствие в настоящее время такового инструментария в качестве показателя соответствия теоретических положений ненаблюдаемому в процессе перевода может рассматриваться методическая эффективность этих положений – то, в какой степени использование этих положений в процессе обучения практике перевода способствует повышению качества учебных работ обучаемых, устранению их технических недостатков.

Приведу в качестве примера один эпизод из раннего периода собственной преподавательской практики, относящийся к тому времени, когда преподавание теории и практики перевода не взаимодействовали, и теория перевода вносила свой вклад главным образом в общее (энциклопедическое) образование будущих языковых посредников, практически не имея отношения к развитию их профессиональных умений и навыков.

Курсантам 4-го курса Военного института иностранных языков в зимнюю сессию предстояло сдать сложный комплексный экзамен по разным видам перевода. Меня удивляло, что по самому лёгкому, на мой взгляд, аспекту экзамена – письменному переводу с немецкого языка на русский – учебная группа регулярно показывала малоудовлетворительные результаты: достаточно полно переводя исходное содержание, обучаемые использовали при этом неприемлемый для хорошего перевода русский язык. По поводу исправлений, которые делал преподаватель, они недоумевали: «Я перевёл все ясно и понятно, что еще требуется?». Пришлось, ссылаясь на аксиому современной лингвистики, объяснить, что речевое общение происходит ради оказания на адресата речи определённого воздействия, которое достигается не только с помощью содержания, но и использования специальных средств языкового выражения. И ради такого равенства текст, написанный в выражениях, свойственных немецкой публицистике, должен быть переведён фразами, типичными для русской публицистики. В ходе объяснения были введены понятия системы языка, языковой нормы, речевой нормы (узуса). Затем всей группой была расклассифицирована принесённая преподавателем картотека переводческих ошибок (нормативно-языковые, узуальные и совершенно иные по своей природе содержательные ошибки – искажения, неточности, неясности). Результаты проведённой подготовки превзошли ожидания: за письменный перевод с немецкого на русский группа из десяти человек получила восемь оценок «отлично» и две «хорошо».

Разумеется, критерий методической эффективности применим не только к положениям общей теории перевода, но и к другим разделам переводоведения.

Общей теории перевода (уже одним своим названием) противопоставляются частные теории перевода, предметом которых является изучение закономерностей перевода с одного конкретного языка на другой. Здесь внимание исследователя концентрируется на переводческих трудностях, проистекающих из различий систем и норм исходного и переводящего языков и соответствующих узусов. Так, при переводе с

языков, для которых характерен (относительно) свободный порядок слов (русский, немецкий и др.) на языки с фиксированным порядком слов (английский и др.) задача переводчика осложняется тем, что логическую (тема-рематическую) структуру исходного языка, выраженную порядком слов, он не может воспроизвести аналогичным образом. Способ преодоления этой трудности описан в частной теории перевода.

Еще один пример: немецкий и другие германские языки имеют развитые системы модальных глаголов, в русском языке их нет. Поэтому при переводе с германских языков на русский переводчику приходится подбирать в качестве лексических эквивалентов другие части речи, используя при этом иную, чем в оригинале, синтаксическую структуру, или же вообще использовать спорадические способы перевода. Описанные и систематизированные в рамках частных теорий способы перевода модальных глаголов на русский язык представляют собой ценный переводческий материал, имеющий существенное прикладное значение. Не меньший интерес представляет проблема использования модальных глаголов при переводе в обратном направлении – с русского на германские языки. Здесь играет роль такой фактор, как количественная норма языка перевода.

Так, если в тексте на немецком языке с привычной для его носителей частотой (достаточно высокой) не встречаются модальные глаголы, текст воспринимается ими как искусственный, не настоящий немецкий. Чтобы избежать этого, переводчик нередко должен «вставлять» в текст перевода модальные глаголы – даже там, где к этому нет никаких «лексических показаний» (где переводимые отрезки русского текста не содержат более или менее близких словарных соответствий модальных глаголов). В этих случаях частная теория (русского-немецкого) перевода должна путём сопоставления репрезентативного массива русских оригиналов и их немецких переводов выявить и систематизировать особенности русских текстов, сигнализирующие о возможности/необходимости использования того или иного немецкого модального глагола. Адекватное использование в переводах с русского модальных глаголов является одним из показателей хорошей квалификации переводчика.

Необходимость учитывать при переводе различия в «частотных нормах», присущих разным языкам, подтверждается иными примерами. Так, представим, что в одном небольшом отрезке английского текста вместо имени собственного 11 раз повторяется местоимение *he*. В переводе на русский язык используется не только его системный эквивалент – местоимение *он*, но и именные варианты, словосочетания с притяжательными местоимениями и другие контекстуальные версии,

поскольку употребить *он* 11 раз подряд означало бы нарушить приемлемую для русского уха частоту повторов.

Одна из важных задач частных теорий перевода заключается в выявлении и систематизации единиц исходного и переводящих языков, провоцирующих переводческие ошибки («ложные друзья переводчика», «ловушки внутренней формы» и др.). Провоцирующее воздействие на переводчика могут оказывать не только лексические единицы, но и грамматические конструкции. Так, многие молодые русские переводчики, не особо задумываясь, переводят русские деепричастия с помощью немецкой глагольной формы *Partizip I*, в то время как немецкие авторы употребляют её не более чем в 10–15% случаев, когда им необходимо перевести конструкцию с русским деепричастием, а в остальных используют придаточные предложения с временными союзами и отглагольные существительные с предлогами. Аналогично обстоит дело с английским причастием *I* при переводе с русского на английский.

Учитывая, что предметом частных теорий перевода является обширная область соотношений контактирующих в переводе языков, включающая все уровни их систем, а также все сферы их функционирования (языковая норма, узус, частотность, лингвокультурологические аспекты), полагаем, что частотные теории перевода имеют большие перспективы развития. Очевидно, что при этом частные теории перевода должны опираться на фундаментальные положения общей теории перевода.

Заметной тенденцией в развитии частных теорий перевода в последнее десятилетие стало стремление в большей мере, чем прежде, учитывать влияние на процесс перевода различия двух контактирующих в переводе культур. Этому способствовало появление таких научных дисциплин, как лингвокультурология и теория межкультурной коммуникации. Их обобщающие положения, по-видимому, должны быть включены и в построения общей теории перевода. К ней необходимо отнести и общие для всех пар, контактирующих в межкультурной коммуникации культур, приёмы, используемые переводчиком для «снятия» культурных барьеров (транслитерация, калькирование, генерализация, использование функционального культурного аналога, описательный перевод, скрытые примечания, эксплицитные примечания переводчика) [1, с. 68-83].

Одним из существенных детерминантов переводческой деятельности является жанр переводимого текста – его особенности в плане содержания и средств языкового выражения. Эти факторы, влияющие на перевод, являются предметом специальных теорий перевода: воен-

ного, техничеcко-отраслевого, юридического, медицинского, перевода дипломатических и торгово-коммерческих текстов, публицистических и литературно-художественных и др.

Связанная с жанром исходного текста специфика перевода определяется характерным для него предметно-понятийным содержанием (знанием дела) в сочетании с характерными средствами языкового выражения (тезаурус, особенности языковой и речевой нормы), которые обычно зависят не от индивидуальности автора исходного текста, а от принятых в сообществе соответствующих специалистов когнитивных, терминологическо-языковых и речевых стандартов (клише), функционирующих в предметной области, отражённой в тексте. Если автор текста или переводчик нарушит эти стандарты, они будут подвергнуты специалистами «остракизму» лишь за одно это, не говоря уже о том, что могут быть просто не поняты.

Актуальная задача переводоведа, работающего в области специального переводоведения, – отслеживание и фиксация в словарях и другой справочной литературе изменений, происходящих в соответствующей специальной области (новые знания, регламенты, языковые и речевые стандарты). Импульсы к таким изменениям обычно имеют экстралингвистическую природу.

Ярким примером изменений в немецком военном деле и, соответственно, языке явились новации, последовавшие вследствие создания бундесвера, интегрированного в войска НАТО: новая военно-политическая доктрина, новая структура высших командных сил, новые виды оружия и боевой техники, обновлённая терминология. Всё это потребовало издания нового большого немецко-русского военного словаря, выпуска нескольких курсов и учебников военного перевода.

Аналогичные, разумеется, не всегда столь радикальные, изменения постоянно происходят и в других специальных областях, отражаемых в переводимых текстах. Важнейшая задача специалистов в данном виде переводоведения состоит в том, чтобы «отслеживать» и фиксировать упомянутые изменения: вносить исправления и дополнения в имеющиеся специальные словари, издавать новые, выпускать справочную литературу. Эта задача облегчается наличием современных информационных технологий.

Сфера компетенции специального переводоведения включает в себя не только проблемы тезауруса, но и описание структурных особенностей специальных текстов.

Не все виды перевода, выделенные по признаку жанровой специфичности переводимых текстов, имеют собственную предметно-тема-

тическую область. Это, в частности, литературно-художественный и газетно-публицистический перевод. Очевидно, что и тот, и другой не привязаны к специальным областям в выше представленном понимании. В этих случаях жанровая специфика переводимых текстов определяется их направленностью на эмоциональное и эстетическое воздействие и соответствующими этой направленности средствами языкового выражения – метафоричностью, иносказанностью, широким диапазоном стилистических средств – от высокого до сниженного (в речи персонажей) стиля, прямыми и косвенными отсылками к феноменам национальной культуры – как современным, так и прошедших времен (реалий). В задачу переводчика художественной литературы входит воспроизведение манеры авторского письма, в которой существенную роль играет ритмико-интонационный рисунок авторской речи. Соответственно, в литературно-художественном переводе центральное место отводится изучению способов достижения в переводе адекватного эмоционально-эстетического воздействия оригинала, передачи присущей ему национально-культурной специфики.

В отличие от литературно-художественного, в известной мере близкий к нему публицистический перевод имеет свою специальную сферу – актуальные общественно-политические события. Сфера с весьма изменчивым «содержательным наполнением».

Публицистические тексты могут быть стандартны и обезличены – смонтированы из клише и «готовых блоков» или нести в себе творческую и авторскую индивидуальность (очерк, фельетон, памфлет и др.).

Для понимания смыслов, содержащихся в публицистических текстах, необходимо быть в курсе текущих событий. Обычно носитель переводящего языка в эти события не посвящен. И если возникает необходимость перевести публицистический текст, то приходится снабжать перевод примечаниями и пояснениями, встроенными в текст или вынесенными из него. Последствием этого может стать неудобоваримость перевода. В таких случаях рентабельнее сделать иноязычный пересказ публицистического текста с необходимыми адаптациями.

Публицистические тексты переводятся редко, поскольку рассчитаны на домашнее потребление и мало кого интересуют за рубежом.

Помимо уже перечисленного деления, перевод подразделяется на виды в зависимости от способов его выполнения. Это письменный и устный перевод. Последний подразделяется, в свою очередь, на разные подвиды.

Письменно переводятся тексты из самых разных предметных областей с неограниченной степенью сложности. Устно переводятся

тексты, сложность которых имеет свой предел (мы не рассматриваем устный перевод с заблаговременной подготовкой). Письменный перевод как вид переводческой деятельности подразумевает использование словарей и справочников. Умение пользоваться словарями разных типов (двухязычным, одноязычными толковыми и толково-комбинаторными, одноязычными и двухязычными фразеологическими и др.) подразумевает наличие у пользователя соответствующих знаний и умений. В педагогической практике неоднократно приходится сталкиваться с ошибками обучаемых, проистекающими из неумения правильно использовать словарь (чаще всего двухязычный), из непонимания, что представляет собой словарная статья, как выбрать из её правой части нужный переводческий эквивалент или на основании всего материала правой части подобрать свой собственный эквивалент.

Отсутствие цейтнота в письменном переводе благоприятствует развитию у переводчика критического подхода к своей работе, умения адекватно оценивать промежуточные и окончательные варианты, развитию чувства оптимального переводческого варианта – умений, необходимых не только в письменном переводе, но и в переводе вообще.

Из видов устного перевода наиболее близким к письменному переводу является зрительно-устный перевод (или перевод с листа). Он имеет одно существенное сходство с письменным переводом – возможность воспринимать текст глазами. Даёт ли это переводчику преимущество по сравнению с ситуациями, когда ему приходится воспринимать исходный текст на слух?

Ответ на этот вопрос зависит от объективной возможности, обусловленной спецификой языков и личным умением переводчика визуально воспринимать содержание и особенности структуры переводимого речевого произведения, при необходимости пробегая глазами печатные строчки в обоих направлениях (мы не рассматриваем возможность заранее обстоятельно подготовиться к переводу.) Успех перевода с листа в самой существенной мере зависит от умения переводчика быстро разглядеть особенности синтаксического «остова» переводимого отрезка текста. Поскольку центром синтаксической конструкции, в котором сходятся связи её необходимых элементов (актантов), является финитный глагол (глагол в личной форме), именно с его нахождения (глазами) целесообразно начинать необходимую при переводе с листа синтаксическую ориентировку, которая, среди прочего, требует от переводчика упомянутых навыков работы глазами.

Степень сложности синтаксической ориентировки зависит от степени сложности синтаксиса конкретного исходного языка. Так, слож-

ный синтаксис немецкого языка готовит для переводчика специфические трудности, определяемые тем, что в аналитических глагольных формах (Perfekt, Plusquamperfekt, Futurum I и II) финитный глагол стоит в конце предложения так же, как и во всех придаточных предложениях. Прочтение простых (неаналитических) форм немецких глаголов затрудняет то обстоятельство, что при наличии у них отделяемых приставок, последние уходят в конец главных предложений, отрываясь от глагольной основы.

Эту непростую синтаксическую картину осложняют ещё и распространённые препозитивные определения – громоздкие конструкции, характерные для «серьёзных» докладов.

В связи с описанными сложностями перевода с листа некоторые переводчики по возможности избегают его. Когда автору этой статьи приходилось переводить немецких докладчиков, то в тех случаях, когда выступающие, пытаясь облегчить ему задачу, любезно предоставляли второй вариант текста, он откладывал его в сторону и переводил на слух (в устной речи, помимо всего прочего, есть живая интонация, которая, как нить Ариадны, ведет человека, умеющего слушать (переводчика), от значения к значению и от них – к смыслу, нередко давая возможность предугадывать даже то, что ещё не прозвучало).

На конференциях, многосторонних переговорах и т. п. незадолго до выступления очередного докладчика/участника переводчикам вручается текст выступления. В такой ситуации нет времени, чтобы ознакомиться с содержанием текста. Если решено переводить не на слух, а с листа, то несколько минут, имеющихся распоряжении, целесообразно потратить на то, чтобы найти и подчеркнуть в тексте финитные глаголы.

Поскольку (за исключением синхронного) другие виды устного перевода реализуются по схеме: отрезок текста на исходном языке → затем его перевод → потом следующий отрезок на ИЯ и его перевод и т. д. и т. д., существенное значение для переводчика приобретает вопрос о выборе оптимальной длины переводимого отрезка или, говоря более кратко, вопрос о рациональной сегментации исходного текста.

Предварительно отметим, что система перевода, изобретенная Жаном Розаном и применявшаяся перед II мировой войной в Лиге Наций, когда переводчик с помощью специальной системы записей фиксировал чье-то выступление целиком, а затем с помощью своих записей воспроизводил его (целиком!) на языке перевода, канула в Лету. Сейчас, если устные переводчики и делают пометы в процессе перевода, то – относительно небольших отрезков исходного текста.

Ответ на вопрос о рациональной сегментации исходного текста зависит от того, что понимать под рациональностью – удобство для работающего переводчика или удобство для обслуживаемых им разноязычных коммуникантов. Если текст сегментируется на относительно большие куски, то переводчик получает большую свободу для манёвра (может выпустить несущественные детали, очистить исходный материал от многословия, отойти подальше от исходных фраз, для более точной передачи которых ему не хватает языковых знаний). Обычно такую тактику избирают молодые, менее опытные переводчики. Вместе с тем при переводе «большими кусками» возрастает нагрузка на оперативную память, требования к качеству переводческих записей.

Однако для потребителей подача перевода большими кусками создаёт дискомфортные большие перерывы в восприятии – особенно чувствительные при общении face to face (деловые беседы, переговоры, разговоры на банкетах и т. д.): пока высказывается одна сторона (на непонятном для другой стороны языке), эта другая сторона «засыпает», а когда наконец вступает переводчик, начинает «скучать» тот, кого он переводит. Живым такое общение никак не назовёшь.

Для создания атмосферы непосредственного общения гораздо эффективнее перевод небольшими отрезками текста. Таким образом, участники коммуникации получают возможность наблюдать за внешними реакциями своих vis-à-vis (удивление, озабоченность, удовлетворение, смех по поводу шутки и др.) и по ним судить об их отношении к собственным «свежепереведённым» высказываниям. У сторон появляется возможность вставить реплику сразу же, что-то уточнить – одним словом, использовать все преимущества живого общения. От языкового посредника такой способ подачи перевода требует очень хорошего знания обоих языков, быстрой реакции, особых навыков. Существенно, что такая тактика перевода позволяет переводчику не загружать свою оперативную память (избавляет от необходимости держать в ней или записывать большие фрагменты исходного текста). Переводчик может пометать для себя лишь числа и имена собственные.

Следует отметить, что устный переводчик не всегда волен сам выбирать способ подачи перевода. Иногда доминирующий участник двуязычной коммуникации не желает, чтобы его «перебивали» и не даёт переводчику возможности «встрячь» в свою речь. О причудах высокопоставленных клиентов в переводческой среде ходит немало анекдотичных рассказов.

Очевидно, что теория устного (несинхронного) перевода имеет весьма узкую сферу исследования: сегментирование исходного текста

и его фиксация (записи) при подаче перевода большими отрезками. Относительно используемой при этом специально разработанной системы переводческой записи существуют разные мнения – от утверждений о её необычайной эффективности (сделал запись – сделал полдела), до высказываний о неудобстве и, вообще, отрицания её пользы. Возможно, что такая поляризация оценок в определённой степени зависит от синтаксического строя исходного языка: переводческие записи выполняются в строгой последовательности: группа подлежащего → сказуемое → второстепенные члены предложения, что неудобно, если для исходного языка характерен относительно свободный порядок слов, позволяющий начинать предложение с второстепенных членов предложения и не ставить сказуемое на второе место. Тогда в процессе записи приходится делать перестановки и повторять их при расшифровке записи – то есть в процессе перевода. Ещё одним неудобством, создаваемым сокращённой переводческой записью, является абстрактность употребляемых в ней символов. Так, один и тот же символ может означать «увеличение», «рост», «прирост», «повышение», «подъём», «улучшение», «совершенствование», «модернизация», «оптимизация», «эффективизация» и др. Получается, что во время записи переводчик осуществляет генерализацию, а при её расшифровке в процессе перевода – конкретизацию. Возникает правомерное сомнение, а не проще ли переводчику при подборе лексических эквивалентов отталкиваться от значений конкретных слов, тем более, что многие несложные элементарные лексические соответствия из двух языков хранятся парами в его памяти.

Очевидно, что самый совершенный вид устного перевода – синхронный. Центральный вопрос, интересующий исследователей синхронного перевода, – загадка феномена синхронности. Каким образом переводчики-синхронисты могут одновременно воспринимать исходный текст и переводить его – одновременно слушать и говорить? Ведь обычному человеку это не под силу, даже когда общение идёт на одном языке.

О механизме синхронного перевода были высказаны разные предположения [5; 8], которые, однако, на наш взгляд, не имеют достаточной объяснительной силы [см.: 7, с. 24].

Вывод, который можно сделать из опыта преподавания на переводческих отделениях и факультетах синхронного перевода всех обучаемых, однозначно говорит о том, что освоить синхронный перевод способны не все люди. Для этого требуются особые способности, отличные от способностей к изучению иностранного языка. Известны

случаи, когда человек, владеющий иностранным языком лишь на уровне, достаточном для понимания исходного текста, хорошо выполнял синхронный перевод на родной язык, а тот, кто владел иностранным языком намного лучше, был к этому не способен. Не случайно во всех известных нам программах подготовки переводчиков требование обучения синхронному переводу заменено положением об изучении основ синхронного перевода.

Литература:

1. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2001.
2. *Латышев Л.К.* О перспективах развития переводоведения // Вопросы общего и частного языкознания. Тезисы докладов. – М.: Военный институт, 1993.
3. *Латышев Л.К.* Технология перевода. – 4-е изд. – М.: Академия, 2008.
4. *Цвиллинг М.Я.* Эвристический процесс перевода и развитие переводческих навыков // О переводе и переводчиках. – Сб. научных статей. – М.: Восточная книга, 2009.
5. *Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. – М.: Международные отношения, 1978.
6. *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973.
7. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.
8. *Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод. – М.: Международные отношения, 1979.